

Г. Кертман

Эпоха Брежнева – в дымке настоящего

*...Как и прежде, тема покоя
Благословенна и глубока*

М. Щербаков. Тема покоя

В первые постперестроечные годы статус эпохи “развитого социализма” в российском массовом сознании претерпевал, помнится, радикальные и стремительные изменения: “проклятое прошлое” на глазах превращалось в “доброе старое время”. Причины этой эволюции очевидны и общеизвестны: обвальное снижение жизненного уровня населения, экономическая и политическая нестабильность, нормативная неопределенность, лавинообразный поток институциональных инноваций, безответственность элит, социальный инфантилизм граждан, неуклюжий радикализм властей...

Неприятие настоящего оборачивалось кардинальной переоценкой недавнего прошлого, вчерашний “застой” трансформировался в воспоминаниях в желанную “стабильность”, рост ностальгии автоматически приносил политические дивиденды компартии. В середине 90-х годов перспектива возврата коммунистов к власти и попытки реставрации прежней системы – с непредсказуемыми последствиями – казалась, как известно, более чем вероятной. И хотя в 1996 году этого не случилось (прежде всего – потому, что именно страх перед неизбежными при таком исходе “судьбоносных” выборов потрясениями стал основным электоральным ресурсом власти), вектор переоценки позднесоветской эпохи в целом не изменился. Затем произошел дефолт.

В 1999 году ФОМ предложил участникам опроса назвать того из руководителей нашей страны в XX веке, при котором “простым людям жилось лучше всего” (предъявлялась карточка), и 48% респондентов – или 58% от числа так или иначе ответивших на этот вопрос – высказались за Л. Брежнева. Причем ни один иной отрезок времени, прожитый нашими согражданами в уходящем веке, не смог составить в этом отношении какой-либо конкуренции брежневской эпохе: 9% опрошенных упомянули Ю. Андропова (то есть по существу тоже

“проголосовали” за брежневское время, одновременно вынеся “вотум недоверия” лично Леониду Ильичу), по 7% – И. Сталина и Н. Хрущева, 4% – Николая II, по 3% – В. Ленина и М. Горбачева, 2% – К. Черненко, 1% – Б. Ельцина¹.

Отставка Б. Ельцина и последовавшие за ней перемены одарили российское массовое сознание новым “проклятым прошлым” (добрым словом 90-е годы поминуют, как известно, очень немногие). Причем ощущение разрыва преемственности, наступления новых времен возникло у большинства россиян практически сразу же после смены главы государства – что лишь частично может быть объяснено особой властечетричностью российской политической культуры, склонностью видеть в верховной власти едва ли не единственный субъект социальных изменений и в силу этого поспешно маркировать историческое время именем очередного правителя.

Оценивая деятельность нового президента, наши сограждане, как однозначно показывали и исследования общественного мнения, и бытовые наблюдения, с самого начала акцентировали внимание на различиях между В. Путиным и его предшественником², и продолжают оперировать такими противопоставлениями – применительно как к содержанию политики, так и к стилю деятельности – вплоть до настоящего времени.

На самом образе эпохи “развитого социализма” это, собственно, могло и не отразиться, но контекст его бытования в массовом сознании не измениться не мог. Во-первых, наряду с позднесоветскими временами появилась иная, более актуальная точка соотнесения, отсчета для осмысления и оценки происходящего – 90-е годы³. Во-вторых, обнаружилось многочисленные признаки если не пере-

оценки советской эпохи, то по крайней мере “примирения” с ней со стороны верховной власти. И дело не только в эволюции идеологического дискурса последней – почти полном отказе от антикоммунистической риторики (даже тогда, когда декларируются сугубо либеральные тезисы), демонстративной почтительности к прошлому, символической “реабилитации” некоторых его аспектов, возвращении музыки советского гимна и т. д. Важнее другое: укрепление “властной вертикали”, обуздание “олигархов”, приведение к лояльности региональных элит и ведущих СМИ, перемены в позиционировании страны на международной арене – во всем этом и многом ином то более, то менее отчетливо слышится поступь возвращающегося Левиафана. Многим

это импонирует, некоторых – пугает, но во всяком случае времена, сменившие ельцинскую эпоху, уже не воспринимаются, в отличие от нее, как главным об-

В первые постперестроечные годы статус эпохи “развитого социализма” в российском массовом сознании претерпевал радикальные и стремительные изменения: “проклятое прошлое” на глазах превращалось в “доброе старое время”

¹ Общероссийский опрос населения от 4–5 сентября 1999 года (56 населенных пунктов, 29 субъектов РФ, 1500 респондентов).

² По данным опроса, проведенного через несколько месяцев после первой инаугурации В. Путина (8–9 июля 2000 года, 56 населенных пунктов, 29 субъектов РФ, 1500 респондентов), 30% россиян полагали, что новый президент “продолжает политику Б. Ельцина”, а 56% – что он “идет своим путем”.

³ Отметим, что период горбачевской перестройки – времени переходного, “склеивающегося” в исторической памяти россиян то с эпохой “развитого социализма”, то с постперестроечной эпохой, – такой “точкой отсчета” для массового сознания не являлся и не является.

разом и прежде всего антитеза временам позднесоветским. Тем более что главным достижением действующего президента российские граждане, как неизменно показывают данные исследований, считают определенную стабильность – а именно отсутствие стабильности в 90-е годы было наиболее мощным генератором ностальгии по эпохе “застоя”.

Однако сказанное не означает, что граждане, испытывающие такую ностальгию, благосклоннее к нынешней власти, чем те, кому это чувство несвойственно. Обратим внимание на симптоматичное совпадение: если среди людей, считающих, что Л. Брежнев сыграл в истории нашей страны положительную роль, доверяют В. Путину 61%, “отчасти доверяют, отчасти – нет” – 27%, и не доверяют – 10%, то и среди считающих роль Л. Брежнева отрицательной обнаруживается в точности такое же распределение ответов на вопрос о доверии действующему президенту: 61%, 27%, 10%⁴. В 90-е годы подобное совпадение, конечно же, было бы абсолютно невозможно: очевидно, что если бы в то время был задан аналогичный вопрос, поклонники Л. Брежнева демонстрировали бы гораздо более критическое отношение к Б. Ельцину, нежели их оппоненты. И еще: 52% респондентов, признающих роль Л. Брежнева позитивной, заявляют о положительном отношении к “Единой России”, а 18% – об отрицательном. Практически то же распределение мнений относительно “партии власти” – среди оценивающих роль Л. Брежнева негативно: 53% и 20% соответственно.

Таким образом, можно говорить об определенной “деполитизации” ностальгии по эпохе “развитого социализма” – не в том, понятно, смысле, что она не оказывает более влияния на политическое сознание россиян (оказывает, и немалое), а в том, что она, в отличие от 90-х годов, уже не является фактором делегитимизации действующей власти, но вместе с тем не стала и ее политическим, электоральным ресурсом. Нет оснований, отметим, считать эту ситуацию необратимой, но сейчас она именно такова.

С чувством глубокого удовлетворения...

100-летие со дня рождения Л. Брежнева дало прекрасный повод выяснить, как сегодня воспринимается российскими гражданами этот исторический персонаж и долгое время его правления. Фрагмент массового опроса, посвященный этому сюжету, начинался с открытого вопроса: “Какие чувства, мысли, ассоциации возникают у Вас, когда Вы слышите имя «Леонид Брежнев?»” Так или иначе ответили на него почти две трети опрошенных (64%). Отметим сразу: респонденты гораздо больше вспоминали о времени, связанном с Леонидом Ильичом, нежели о нем самом.

Чаще всего участники опроса говорили, что жилось в те годы хорошо, все имели работу и достаток.

“Хорошее было время”; “нормальная жизнь была”; “прекрасная жизнь”; “все работали и жили нормально”; “времена, когда все были довольны жизнью”; “от зарплаты до зарплаты никто не жил”; “благополучие”; “счастливое время”; “просто рабочему жилось гораздо лучше”; “хорошо было”; “золотое было время” (14%; ответы на открытый вопрос).

⁴ Общероссийский опрос населения от 9–10 декабря 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Многие просто констатировали, что при упоминании имени Л. Брежнева у них возникают “очень положительные ассоциации”:

“Все только хорошее”; “положительные чувства”; “самые добрые воспоминания”; “приятные чувства”; “доброе, теплое”; “хорошие, приятные воспоминания”; “светлые чувства” (8%; ответы на открытый вопрос).

Примерно так же часто опрошенные вспоминали как отличительные черты брежневской эпохи стабильность, порядок и спокойствие.

“Спокойное время”; “стабильность”; “покой”; “уверенность в завтрашнем дне”; “можно спланировать свой бюджет”; “спокойствие, комфорт”; “надежность, стабильность”; “порядок”, “тихие, спокойные времена” (7%; ответы на открытый вопрос).

Некоторые говорили о социальных гарантиях (*“мы защищены были”; “учеба, отдых – все бесплатно”; “бесплатное лечение и образование”; “доступное жилье”* – 2%), о крупных стройках, о крепких колхозах и совхозах (1%), о низких ценах (1%), о том, что СССР в ту пору был великой державой (1%) и т. д. Упомянулась свойственная, по мнению части опрошенных, тому времени *“простота отношений”* (*“народ честнее, добрее”*) – 1%.

Ностальгические мотивы слышны в этих высказываниях вполне отчетливо, и надо сказать, что довольно многие респонденты именно так – как ностальгические – и диагностировали свои эмоции по поводу брежневских времен.

“Ностальгия”; “ностальгия по прошедшим годам”; “ностальгия о спокойствии”; “ностальгия по прошлому”; “ностальгия по временам Брежнева”; “ностальгия по прошлой жизни” (3%; ответы на открытый вопрос).

В той или иной мере эта ностальгическая нота слышна и в большинстве ответов тех респондентов, у которых имя Л. Брежнева ассоциируется прежде всего с собственным детством или юностью.

“Беззаботное детство”; “молодые, веселые годы”; “юность – тогда все было хорошо, и люди были другие”; “самые лучшие времена, счастливое детство”; “наша юность”; “детство, доброта, море” (4%; ответы на открытый вопрос).

В некоторых ответах понятие “застой” сопровождалось явно позитивными коннотациями: “застойное, но хорошее время”; “застой был, цены не росли”; “это было давно, время застоя и спокойствия”

Негативные эмоции респонденты, откликаясь на вопрос о Л. Брежневе, выражали гораздо реже. Сравнительно многие говорили о брежневской эпохе как о времени застоя.

“Застой, глухомань”; “сон всей страны”; “болото”; “кошмар, застой”; “совок”; “застой в стране, сонное царство”; “застоялые времена” (6%; ответы на открытый вопрос).

Впрочем, было бы опрометчиво зачислять всех участников опроса, аттестовавших брежневское время как “застой”, в критики этой эпохи. Дело в том, что в некоторых ответах это понятие сопровождалось явно позитивными коннотациями: *“застойное, но хорошее время”; “застой был, цены не росли”; “это было давно, время застоя и спокойствия”*. И поскольку примерно половина ответов этой группы сводилась к одному слову – “застой”, – то можно полагать, что по крайней мере часть “соавторов” этой лаконичной реплики отнюдь не вкладывала в нее осуждение.

Вместе с тем довольно многие респонденты недвусмысленно заявляли, что при упоминании имени Л. Брежнева ассоциации у них возникают сугубо неприятные.

“Жуткие ассоциации”; “злость”; “отвращение”; “отрицательные чувства”; “брезгливость”; “ничего хорошего”; “раздражение одно”; “ужас”; “не нравится тот период, нечего вспомнить хорошего”; “отстойная эпоха” (5%; ответы на открытый вопрос).

Некоторые вспоминали о дефиците, пустых прилавках.

“Пустые полки в магазинах”; “очереди, развал”; “дефицит в стране”; “разруха”; “талоны, недостаток продуктов” (2%; ответы на открытый вопрос).

Что касается самого Леонида Ильича, то тут сравнительно немногочисленные реплики респондентов разделились на хвалебные и критические примерно поровну. Одни говорили о достоинствах генсека, давая ему лестные характеристики и как главе государства, и как человеку.

“Очень хорошо жил и служил Родине”; “отличный руководитель и хозяйственник”; “хороший мужик был”; “сильный политик, вождь”; “красавец; достойное лицо нашей страны”; “добрый”; “широкой души человек был” (3%; ответы на открытый вопрос).

Другие отзывались о Л. Брежневе пренебрежительно (“бездарный политик”; “марионетка”; “пустой человек” – 1%), аттестовали его как “карикатурную личность”, персонажа анекдотов (1%), поминали – не всегда беззлобно – его пристрастие к наградам (1%), особенности внешности и дикции (1%).

Отметим для полноты картины, что некоторые респонденты в ответ на просьбу поделиться чувствами и ассоциациями, возникающими у них при упоминании имени Л. Брежнева, сообщили лишь, что оно напоминает им об отечественной истории (“прошлое”, “советские времена”, “история наша” – 3%), либо поведали интервьюеру, что названный человек – “бывший руководитель нашей страны”; “генеральный секретарь КПСС” (3%).

В целом высказывания участников опроса определенно свидетельствуют о том, что эпоха Л. Брежнева вызывает у большинства россиян по преимуществу благостные реминисценции. Это, естественно, подтверждается и распределением ответов на соответствующий закрытый вопрос: 61% опрошенных считают годы правления Л. Брежнева благополучным временем для нашей страны, и только 17% – неблагоприятным (22% – затрудняются с ответом). Причем среди тех, кому от 36 до 54 лет, позитивную оценку той эпохе дают 75% респондентов; среди тех, кто старше, – 74% (негативную – соответственно 14% и 18%). Что касается молодых респондентов (до 35 лет), то почти половина из них затрудняются дать оценку временам Л. Брежнева, но прочие гораздо чаще признают эти времена благополучными, нежели неблагоприятными (35% и 20% соответственно). Доли придерживающихся второй точки зрения сравнительно высоки среди граждан с высшим образованием (24%), москвичей (23%) и жителей других мегаполисов (31%), но и здесь, как видим, ощутимо преобладают позитивные оценки.

Вердикт общественного мнения относительно исторической роли самого генсека несколько менее определен – главным образом потому, что оценить

Отвечая на вопрос об ассоциациях, связанных с именем Брежнева, респонденты гораздо больше вспоминали о времени, связанном с Леонидом Ильичом, нежели о нем самом

ее респондентам оказывается сложнее, нежели соответствующий период: тут уже 34% опрошенных затруднились с ответом. Но половина респондентов (50%) уверенно заявляют, что Л. Брежнев сыграл положительную роль в истории страны; считают эту роль отрицательной 16% участников опроса. Среди представителей среднего и старшего поколений 61% и 62% соответственно придерживаются первой точки зрения (второй – 15% и 16%).

Стоит отметить, однако, что если респонденты, признающие роль Л. Брежнева положительной, почти единодушно в своей симпатии к маркированной его именем исторической эпохе, то среди считающих роль генсека отрицательной менее двух третей (63%) рассматривают ее как “неблагополучное время”, и при этом обнаруживается довольно заметное меньшинство (22% данной группы), полагающее, что годы его правления были для страны благополучными (табл. 1).

Иначе говоря, ностальгия по эпохе “развитого социализма” не в полной мере проецируется на фигуру Л. Брежнева. О причинах этого дают определенное представление ответы респондентов, так или иначе оценивших историческую роль Леонида Ильича, на открытые вопросы о том, почему они сочли ее положительной или отрицательной. Поклонники генсека фактически воспроизводили позитивные суждения, звучавшие ранее в ответ на вопрос о чувствах, мыслях и ассоциациях, связанных с именем Л. Брежнева (благополучие, достаток, всеобщая занятость, стабильность, спокойствие, порядок, крупные стройки и т. д.), – каких-либо иных, новых мотивов тут не возникало. А вот в репликах его критиков наряду с упоминаниями о “застое” и товарном дефиците, а также суждениями о бездеятельности и слабости первого лица государства появились и некоторые новые, ранее не звучавшие соображения. Так, одни говорили, что Л. Брежнев “дал возможность разложить страну”, что именно его правление заложило предпосылки последующих потрясений (“развал пошел оттуда”; “все разворовали при нем”; “его политика способствовала распаду СССР”), другие обвиняли генсека в покровительстве коррупции и бюрократизации (“коррупция пошла от него”; “бюрократию развел”), третьи ставили ему в вину отсутствие свобод (“закрытость страны”; “закомплексованность народа”; “железный занавес, беспощадное КГБ”). В целом подобные высказывания составили примерно треть от числа ответов тех, кто счел историческую роль Л. Брежнева отрицательной. Любопытно, что такие соображения

не были артикулированы респондентами изначально, при первом упоминании имени генсека – а лишь в связи с просьбой оценить итоги его деятельности в исторической перспективе.

Но так или иначе роль Л. Брежнева в истории страны, повторим, втрое чаще оценивается россиянами позитивно, нежели негативно (а представителями среднего и старшего поколений – вчетверо чаще). Когда же респондентов в возрасте от 40 лет (58% участников опроса) спросили, как они относились к нему в те годы, когда он возглавлял страну, соотношение мнений оказалось еще более благоприятным для Леонида Ильича – 7:1; 76% опрошенных указанной возрастной категории сказали, что относились к генсеку положительно, и только 11% – что отрицательно (осталь-

ные, соотношение мнений оказалось еще более благоприятным для Леонида Ильича – 7:1; 76% опрошенных указанной возрастной категории сказали, что относились к генсеку положительно, и только 11% – что отрицательно (осталь-

Половина респондентов заявляют, что Л. Брежнев сыграл положительную роль в истории страны; считают эту роль отрицательной шестая часть участников опроса

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Если говорить в целом, какую роль, на Ваш взгляд, сыграл Л. Брежнев в истории нашей страны – положительную или отрицательную?		
		положительную	отрицательную	затрудняюсь ответить
Как Вы считаете, годы правления Л. Брежнева были в целом благополучным или неблагоприятным временем для нашей страны?				
Благополучным	61	89	22	37
Неблагополучным	17	4	63	15
Затрудняюсь ответить	22	7	14	47

ные затруднились с ответом)⁵. Особенно часто вспоминают о хорошем отношении к нему в селах (83%; относились плохо – 10%), но и в Москве (61% и 18% соответственно), и в других мегаполисах (71% и 9%) эта позиция преобладает безоговорочно. Среди обладателей высшего образования, добавим, 70% заявляют, что относились к Л. Брежневу положительно, 15% – что отрицательно.

Откровенно говоря, такое распределение ответов меня лично несколько озадачило: ну никак не припоминаются мне – применительно к брежневскому времени – ни массовое почтение, ни массовая любовь к генсеку ни в каких социальных стратах. С ярко выраженной неприязнью к нему, впрочем, тоже тогда доводилось встречаться не слишком часто; скорее, кажется, преобладало – причем чуть ли не повсеместно – отстраненно-ироническое отношение.

Разумеется, подозревать респондентов в лукавстве или в аберрации памяти на основании своих частных и совершенно нерепрезентативных реминисценций было бы, мягко говоря, не совсем корректно. Но можно, по крайней мере, предположить, что за словами участников опроса об их хорошем отношении к Л. Брежневу в годы его правления скрывается гамма чувств, не сводимая к высокой оценке качеств и достижений этого государственного деятеля, а иногда и не включающая такую оценку. Присмотримся повнимательнее к тому, как вспоминают о Л. Брежневе участники фокус-групп⁶.

“Это сладкое слово – «халява»”

Прежде всего нельзя не заметить, что когда речь заходит об отношении к Л. Брежневу, модераторам никак не удается сфокусировать внимание респондентов на фигуре самого генсека. Участники дискуссий, как правило, сообщают, что и они сами, и окружающие относились к нему “нормально”, “положительно” – после чего разговор сразу же соскальзывает в плоскость обсуждения атрибутов повседневной жизни брежневской эпохи.

“Модератор: Какого было отношение населения к Брежневу?”

1-я участница: Я думаю, что хорошее, все положительно относились к нему.

⁵ Считающие историческую роль Л. Брежнева положительной практически единодушно заявили, что относились к нему хорошо, в то время как среди оценивающих ныне его роль как отрицательную 37% опрошенных сказали, что тогда относились к генсеку позитивно, а 43% – что негативно.

⁶ Дискуссионные фокус-группы в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже 5 декабря 2006 года.

2-й участник: *Нормально все относились к нему. Колбасы не было, а в гости пойдешь к кому-нибудь – то там любая колбаса в холодильнике была, и копченая, и вареная* (ДФГ, Воронеж).

“Модератор: *И вот вся наша сегодня беседа – она будет посвящена именно Брежневу. Какие у вас впечатления от этого человека?*”

1-я участница: *Нормальные.*

Модератор: *Что значит – нормальные?*

2-я участница: *Позитивные.*

Модератор: *Что для вас значит это имя?*

3-й участник: *Ну, он был очень хороший человек, в общем-то.*

Модератор: *Что значит – очень хороший человек?*

3-й участник: *Добрый, все про это говорили. В молодости очень красивый, его девушки любили.*

2-я участница: *И анекдоты про него нормальные.*

4-я участница: *Сам жил – и другим давал.*

2-я участница: *Да.*

5-й участник: *Вот, вот это правильно.*

2-я участница: *И зарплата была стабильна, и цены были стабильные. Работали все.*

6-я участница: *Квартиры получали.*

2-я участница: *Квартиры получали.*

1-я участница: *И югославскую колбаску ели.*

2-я участница: *Колбаса была нормальная.*

4-я участница: *Свободно можно было отложить.*

2-я участница: *Все люди работали – и получали нормально. Зарплата была нормальная.*

6-я участница: *Нет, опять же, была зарплата стабильная.*

2-я участница: *Да, да.*

7-я участница: *Отношения были совсем другими.*

2-я участница: *И зайдешь в магазин – пахло колбасой.*

7-я участница: *Если она была*” (ДФГ, Москва).

Как видим, модератор вынужден прилагать титанические усилия, чтобы добиться от респондентов хоть нескольких слов о самом генсеке, но как только в беседе всплывают какие-то характеристики эпохи “развитого социализма”, все оживляется и с энтузиазмом, перебивая друг друга, начинают добавлять свои штрихи в картину. Причем на всех фокус-группах ассортимент аргументов в пользу брежневской эпохи практически одинаков, стандартен: помимо непрерывной колбасы, а также уверенности в завтрашнем дне и всеобщей занятости, он включает в себя пионерские лагеря, путевки в санатории, возможность получения бесплатного жилья, приличный уровень жизни пенсионеров, отсутствие осязаемого материального расслоения, работающие заводы, преуспевающие колхозы (кстати, о нараставшем в те годы импорте продовольствия не вспомнил никто), БАМ, освоение космоса, военную мощь и статус сверхдержавы.

Надо сказать, что на всех фокус-группах нашлись респонденты – причем как пожилые, так и молодые, – которые оценивают ту эпоху негативно или по крайней мере сдержанно. Они говорят о товарном дефиците, бедности, урав-

Нельзя не заметить, что когда речь заходит об отношении к Л. Брежневу, модераторам не удается сфокусировать внимание респондентов на фигуре самого генсека. Разговор соскальзывает в плоскость обсуждения атрибутов повседневной жизни той эпохи

ниловке, о подавлении всяческой инициативы, застое, отсутствии свободы, привилегиях номенклатуры, коррупции, “холодной войне”, войне в Афганистане и т. д. Вспыхивают жаркие споры, в которых критики неизменно оказываются в меньшинстве. Причем показательно, что защитники “развитого социализма” зачастую не столько опровергают филиппики критиков, сколько сравнивают времена Л. Брежнева с сегодняшним днем – в пользу прошлого.

Приведем типичный пример. После весьма оживленного обмена доводами модератор спрашивает, на чем основано преобладающее на фокус-группе мнение, согласно которому Л. Брежнев сделал для страны больше хорошего, нежели плохого, и, получив лаконичный ответ – “стабильность”, ставит вопрос “ребром”.

“Модератор: *То есть стабильность все перевешивает – и дефицит, и ядерную угрозу, и холодную войну?*

1-я участница: *Да, стабильность все перевешивает.*

2-й участник: *Человеку хочется стабильности.*

3-я участница: *Все на работу ходили, к чему-то стремились, а сейчас не поймешь, кто и чем занимается.*

1-я участница: *Все знали, что у каждого есть работа и есть зарплата. А сейчас ничего этого нет.*

3-я участница: *Учились в институте бесплатно. А сейчас? Сколько денег нужно, чтобы ребенка выучить. Один дурак дураком – за него деньги заплатили, и он учится. А кто умница, тот сидит дома – у него денег нет.*

2-й участник: *При его жизни мы его, конечно, хулили. А если бы мы в те времена знали, какая жизнь станет сейчас, то слова плохого я бы не сказал про него” (ДФГ, Воронеж).*

Несколько позднее респондентка, сказавшая, что “стабильность все перевешивает”, отмечает, что в брежневские времена “не все можно было говорить – то, что думаешь”⁷, и тут же запальчиво заявляет:

“Это окупается. Лучше жить спокойно и с сытым желудком, чем с пустым желудком – и орать на всю площадь, как ненормальная. Поорать, постоять – от этого хлеб не появится” (ДФГ, Воронеж).

Л. Брежнев явно предстает в воспоминаниях большинства участников групповых дискуссий прежде всего гарантом и символом стабильного, спокойного, относительно сытого существования. Именно в этом качестве генсек для них ценен, и именно поэтому они настроены не давать его в обиду критикам.

“В принципе вот главный чиновник в нашей стране воспринимается именно как царь... Этот царь был такой хороший, относительно демократичный, вменяемый – ну, на начальном этапе, да, – и в принципе вот за его царствование вот таких диких ляпов, которые делал Хрущев, не было; такого кошмара, такой крови, как делал Сталин, не было, такого кошмара, как Ленин, не было.

Л. Брежнев предстает в воспоминаниях большинства участников фокус-групп прежде всего гарантом и символом стабильного, спокойного, относительно сытого существования. Именно в этом качестве генсек для них ценен

⁷ Кстати, стоит заметить, что некоторые участники дискуссий – и даже не из числа самых преданных поклонников Л. Брежнева – с этим категорически не соглашались: они уверяют, что чувствовали себя в то время вполне свободными людьми.

То есть это была вот такая стабильная, может быть, ну, с небольшими там огрехами, ошибками... – вот такое нормальное царствование, и все были довольны в принципе, вернее, большинство людей были довольны жизнью и знали, что примерно ожидать, что будет завтра” (ДФГ, Москва).

“1-й участник: По сравнению со Сталиным или Лениным, конечно, все было более спокойно. Там были такие волнения, страна переживала такие периоды громадные. А здесь все было как бы спокойно. И мне кажется, что это его заслуга, потому что он был руководителем в это время.

2-й участник: Мне кажется, что он дал отдых народу” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Не случайно Леонид Ильич представляется участникам фокус-групп добродушным, жизнелюбивым, незлобивым человеком – только об этих личностных характеристиках генсека согласно и довольно уверенно говорят многие респонденты.

“Приятный, жизнелюбивый человек. Действительно жизнелюбивый – вот на него смотришь. Добрый” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Участник: Добрым был, наверное, не злым.

Модератор: Что значит – добрым?

Участник: На лице у него было написано. Он любил хорошо покушать, и попить, и отдохнуть любил. И народ тоже” (ДФГ, Воронеж).

Никаких доводов в пользу этой точки зрения не приводится – несмотря на недоуменные вопросы немногочисленных критиков Л. Брежнева, пытающихся понять, на чем она основана. Однако похоже, что подобный имидж произведен от представления о генсеке как о гаранте покоя и стабильности: живому олицетворению этих свойств эпохи надлежит быть именно добродушным и миролюбивым – и соответствующие характеристики образа времени экстраполируются на фигуру правителя. Причем скорее всего такая экстраполяция произошла преимущественно не при жизни Леонида Ильича, а значительно позже – когда время его правления стало объектом массовой ностальгии.

Показательно и то, что участники обсуждений, в частности – продемонстрировавшие по ходу дискуссии явную симпатию к Л. Брежневу, определяли и свое собственное, и преобладавшее, по их мнению, в стране отношение к нему не только как “нормальное” или “положительное”, но и как “никакое”. Противоречия тут нет: респонденты фактически говорят о том, что спокойное, неподвижное брежневское время позволяло не обращать внимания на верховную власть – что в их глазах является бесспорным благом.

“Модератор: Я имею в виду именно самого Брежнева – какое было к нему отношение?

1-я участница: Никакое.

2-й участник: Да, я думаю, что никто не обращал на это внимания. Все жили прекрасно, я думаю, в основном. Было не до политики.

1-я участница: Да, жили и жили.

3-й участник: Вот в то время была минимальная политизированность населения, она выражалась только в различных иронических отношениях” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Модератор: *Валерий, у Вас какие воспоминания о Брежневе?*”

1-й участник: *Практически никаких. Был и был, есть и есть. Знаешь, что завтра пойдешь на работу и вернешься обратно.*

2-я участница: *Получишь получку и аванс.*

3-я участница: *Раньше стабильность была.*

1-й участник: *И тебя по дороге не убьют, не ограбят.*

3-я участница: *Пусть мало было денег, но это было спокойнее” (ДФГ, Воронеж).*

В этом контексте “никакое” отношение к Л. Брежневу – синоним положительного отношения, “никакие” воспоминания о нем – синоним благодарной памяти. “Хорошее руководство – то, которое не замечают”, – заявляет участник воронежской фокус-группы, и это, похоже, преобладающее мнение. Надо полагать, подавляющий численный перевес участников массового опроса, заявивших, что они положительно относились к Л. Брежневу в годы его правления, над занявшими противоположную позицию во многом обеспечен именно этой тождественностью “никакого” и позитивного.

Отметим, впрочем, что, признавая те или иные недостатки брежневской эпохи и огрехи тогдашнего руководства страны – от коррупции до преследования инакомыслящих, от несправедливости в распределении жилья или билетов на кремлевские елки до вторжения в Афганистан, – участники групповых дискуссий склонны освобождать Леонида Ильича от “персональной ответственности”: возлагают вину на его окружение или на нижестоящее начальство, говорят о том, что генсека иногда дезинформировали.

Вместе с тем, особой уверенности в выдающихся талантах Л. Брежнева как государственного деятеля респонденты отнюдь не испытывают. В том числе – его поклонники. Один из них, например, заявляет:

“Я бы его назвал просто хорошим человеком, но никудышным руководителем. Как руководитель – он никак не смотрится. Если мы видим Горбачева – можно его по-всякому оценивать – но мы его видим и слышим. Видим Путина сейчас, видим Ельцина – то есть это фамилии, это личности, которые звучат. С разными оттенками, но они звучат. А Брежнев – хороший человек. Душа-человек, с ним хорошо вытить и закусить” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Другая участница той же фокус-группы – едва ли не самая темпераментная сторонница Л. Брежнева, всемерно превозносящая его время, – на вопрос о том, можно ли ставить в заслугу генсеку различные достижения, перечисленные в ходе дискуссии, решительно заявляет: “Конечно. Он же тоже стремился. Он переживал за свою страну... Он державник такой был. – И тут же продолжает – Но он был слабый державник, потому что доброты в нем было больше, чем мудрости”. А на следующем витке дискуссии говорит, что при другом правителе “не такая раслабуха была бы; может, меньше было бы воровства, кумовства целовального... По другому пути пошла бы страна. Может, даже и развала страны бы не было”.

Признавая те или иные недостатки брежневской эпохи и огрехи тогдашнего руководства страны, респонденты склонны освобождать Леонида Ильича от “персональной ответственности”: они возлагают вину на его окружение или на нижестоящее начальство

И подобная двойственность сквозит в высказываниях многих участников фокус-групп. Респонденты, симпатизирующие Л. Брежневу, нередко говорят о нем со снисходительной, а иногда и пренебрежительной интонацией, не только комментируя такие безвредные и простительные, на их взгляд, слабости генсека, как, например, пристрастие к наградам⁸, но и признавая его не слишком дальновидным и в меру самостоятельным политиком. Причем привязанность к Леониду Ильичу – как к олицетворению эпохи, “духа времени” и гаранту безопасности, стабильности жизнеустройства – органично сочетается не просто с непочтительностью в отношении к нему, но и в некоторых случаях – с признанием его “несоответствия занимаемой должности” (в особенности, конечно, в последние годы правления). Чрезвычайно выразительно в этом плане еще одно высказывание цитировавшейся только что поклонницы Л. Брежнева, аттестовавшей его как “слабого державника”.

“Он был как такой хранитель. Пусть такой дряхлый, слабый, смешной, но вот как в семье – цепляешься, чтобы кто-то из старших оставался. Это немножко скрепляет. Так и здесь. Потому что все эти встречи – пусть они были и показательные, все эти целования – но все-таки это была какая-то связь хорошая. И у меня была и жалость, и немножко было стыдно, что такая страна не может себе выбрать достойного руководителя” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Вспоминая о смерти Л. Брежнева, одни участники дискуссий говорили, что испытали тогда страх, растерянность (“чувство ужаса было”, “шок был”), другие – что подобных эмоций у них не было, а были, наоборот, смутные надежды на изменения к лучшему. Но и тех, и других, судя по репликам, прозвучавшим на фокус-группах, объединяло тревожное ощущение исторического перелома (причем это ощущение вспоминали не только люди пожилые, но и те, кому в 1982 году было 15–20 лет): ощущение конца эпохи, неизвестности и неизбежности перемен.

Сегодня они знают, что последовало потом, и видят брежневскую эпоху сквозь призму приобретенного опыта.

В большинстве своем – испытывают ностальгию: динамичные и болезненные социальные перемены очень способствуют восприятию предшествующего исторического этапа как “доброе старое время”. Но если одни при этом идеализируют эпоху “развитого социализма”, то другие – оценивают ее амбивалентно, усматривают в ней как достоинства, так и недостатки. Иначе говоря – в какой-то мере дистанцируются от собственной ностальгии, смотрят на нее “со стороны”. Сохраняясь как эмоциональная доминанта восприятия соответствующей эпохи, эта ностальгия утрачивает статус интерпретативной схемы, детерминирующей трактовки и оценки брежневской эпохи. Наиболее яркой иллюстрацией этой тенденции может служить монолог 60-летнего петербуржца, прозвучавший, подчеркнем, в самом начале дискуссии – как только была объявлена тема фокус-группы.

⁸ “1-й участник: Как сорока – все блестящее любил. 2-я участница: Это хобби, кстати, совершенно безобидное” (ДФГ, Воронеж).

Привязанность к Леониду Ильичу органично сочетается не просто с непочтительностью в отношении к нему, но в некоторых случаях – и с признанием его “несоответствия занимаемой должности”

“Тенсек – это золотая пора жизни. Это сладкое слово «халява». Это в то время родилось такое слово. Добродушие, миролюбие, отсутствие какой-то борьбы и противостояния – вот я так характеризую эпоху Брежнева. Но то, что движения вперед не было, – это нам, в принципе, и не требовалось. Я имею в виду обывателя. Стране, конечно, это требовалось – а обывателю это не требовалось. Обыватель имел хорошие или не очень, но продукты на столе. При всей бедности прилавков у всех все было в холодильниках. То есть это время, по которому сегодня – вот по этой спокойной атмосфере – скучают люди, которые это пережили. А те, кто живут сегодня в бурном потоке сегодняшней жизни, наверное, нуждаются в каких-то эпизодах из того времени” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Это рассуждение пронизано ностальгией, которая, однако, органично уживается с признанием “застойности” брежневской эпохи, оценкой ее как упущенного – с точки зрения общенациональных интересов – времени.

Те же респонденты, которые ностальгии не испытывают (среди пожилых участников групповых дискуссий их, повторим, немного), расценивают это время как “застойное” и в общественной, и в своей частной жизни – и ни в коей мере не склонны вспоминать о Л. Брежневе с элегической интонацией, в той или иной степени присущей большинству их собеседников. Участница той же, петербургской, фокус-группы, в конце беседы печально говорит, что она “профукала всю жизнь из-за него”, и тут же “взрывается”:

“Я не знаю, какой он там добрый! Прошла такая эпоха – и я считаю, что она незаметная. В истории она не” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Ее не перебили – респондентка сказала то, что хотела сказать.

Наше время: позавчерашнее или сегодняшнее?

Но вернемся к данным массового опроса. Его участников попросили пофантазировать и выделить “отличительные черты, особенности жизни того периода, когда страну возглавлял Л. Брежнев”, которые они перенесли бы в наше время, – и те, которые они переносить бы не стали. На первый из этих открытых вопросов ответили почти две трети опрошенных (63%). Хотя мы уже, кажется, неплохо представляем, что именно особенно привлекает наших сограждан в брежневской эпохе, стоит присмотреться к распределению ответов – оно позволяет, помимо прочего, уточнить иерархию атрибутов “развитого социализма”, особо ценимых россиянами сегодня.

Чаще всего респонденты говорили, что хотели бы вернуть бесплатное образование (14% от всех опрошенных): “*бесплатная учеба*”; “*учился бесплатно, можно было поступить в любой вуз*”; “*бесплатные вузы – очень тяжело собрать деньги на будущую учебу дочери*”.

Второе место по частоте упоминаний (13%) заняла стабильность, уверенность в завтрашнем дне: “*все было размеренно*”; “*жизнь стабильная была*”; “*эту стабильность, уверенность в завтрашнем дне*”.

На третьем месте – бесплатное здравоохранение (12%): “*бесплатное лечение*”; “*медицина была бесплатной – сейчас тоже надо медицину бесплатную*”.

Оговоримся: многие респонденты называли сразу несколько “особенностей жизни” брежневской эпохи⁹, и особенно распространенным “тандемом” оказалось “бесплатное образование и медицина”.

Четвертое место в перечне наиболее желанных ныне черт брежневской эпохи принадлежит всеобщей занятости (11%): “*всем рабочие места*”; “*безработицы не было*”; “*легче было найти работу*”.

Далее следуют низкие и стабильные цены, квартплата, тарифы на услуги ЖКХ (“*дешевизна товаров в магазинах*”; “*низкие цены*”; “*стабильность цен*”; “*раньше за квартиру платили копейки*” – 9%), достойные зарплаты и пенсии (“*зарплата соответствовала ценам*”; “*пенсии хватало на жизнь нормальную*”; “*зарплата, на которую можно было бы купить все*” – 7%), бесплатное жилье (“*квартиры давали бесплатно*”; “*получение жилплощади*” – 6%), социальная защищенность в целом (“*больше социальной направленности*”; “*социалка – забота о гражданах*”; “*защита населения*” – 4%), доброта людей, коллективистские нравы (“*люди были друг к другу добрее*”; “*народ был дружнее, приветливее*”; “*людскую совесть, заботу, доброту*”; “*взаимовыручка была тогда*” – 4%).

Некоторые вспоминают об экономике времен “развитого социализма” (“*планирование экономики*”; “*развитие промышленности*”; “*колхозы и совхозы вернуть бы*”; “*стабильность экономики*”), о формах опеки подрастающего поколения, присущих тому времени (“*октябрята, пионеры, комсомолы – интереснее, чем сейчас*”; “*забота о детстве, пионерские лагеря*”) – по 3%.

Далее – пунктиром: респонденты “предлагают” перенести из брежневской эпохи в наши дни “*порядок в стране*” (2%), “*безопасность*”; “*пониженный уровень преступности*” (2%), “*благополучие населения*” (2%), “*дружбу народов*”; “*интернационализм*” (2%), “*контроль общественный, народный, партийный за деятельностью чиновников*” (2%), “*патриотизм*” (1%), “*возможность ездить на море на отдых, самим и с детьми*” (1%) и т. д.

Назвать черты брежневских времен, которые им не хотелось бы переносить в день нынешний, респондентам оказалось значительно сложнее. Если на предыдущий открытый вопрос дали ответы 63% участников опроса, то на этот – лишь 38%. Причем практически половина из них (18% от всех опрошенных) говорили о товарном дефиците, очередях, талонах и иных механизмах распределения материальных благ: “*всеобщий дефицит*”; “*в магазинах пусто было*”; “*дефицит и громадные очереди*”; “*голые прилавки, блат, дефицит*”; “*карточки на продукты и одежду*”; “*талоны на продукты*”.

Кроме того, 6% опрошенных упомянули отсутствие свободы слова и иных свобод, политический диктат: “*не было права голоса*”; “*боязнь сказать, что думаешь*”; “*засекреченность всего*”; “*контроль партии за личной жизнью граждан*”; “*деятельность КГБ*”; “*чрезмерность цензуры*”; “*нетерпимость к инакомыслящим*”.

Реже участники опроса заявляли, что не хотели бы переносить из эпохи “развитого социализма” в сегодняшний день “железный занавес” (“*страна была закрыта от мира*”; “*запреты на поездки за рубеж*”) – 3%, уравниловку (“*серость и уравниловка*”; “*все одинаковые ходили*”), однопартийность (“*диктату-*

⁹ Поэтому сумма ответов превышает 100% – хотя ответили на вопрос, как сказано, менее двух третей респондентов.

ра одной партии”; “обязаловка принадлежности к партии”), коммунистический режим (“*весь социализм*”; “*коммунизм*”; “*коммунистический строй*”), коррупцию и произвол бюрократии (“*поведение номенклатуры в смысле коррупции*”; “*бюрократия, судебный произвол*”; “*коррупция в высших чинах*”) – по 2%, бедность, войну в Афганистане, бесхозяйственность, геронтократию, застой в экономике – по 1%.

Все данные, приведенные выше, казалось бы, свидетельствуют о том, что российские граждане в большинстве своем определенно и недвусмысленно предпочитают брежневские времена нынешним. В самом деле, и первые, спонтанные ассоциации, возникающие у респондентов при упоминании Леонида Ильича, неизмеримо чаще оказываются окрашенными позитивно, нежели негативно. И вопрос о желательных “заимствованиях” из брежневской эпохи вызывает у них куда меньше затруднений, чем вопрос о “заимствованиях” нежелательных. И спектр атрибутов “развитого социализма”, которые они хотели бы, окажись это возможно, перенести в наше время, значительно шире, чем спектр его характеристик, которые они предпочли бы оставить в прошлом. И участники групповых дискуссий, сопоставляя брежневскую эпоху с нынешней, почти по всем параметрам предпочитали прошлое настоящему, а в особенности – по наиболее актуализируемым в этом контексте параметрам стабильности жизнеустройства и социальной защищенности. И, наконец, вспомним: брежневское время почти вчетверо чаще признается благополучным, чем неблагополучным.

Однако когда респондентов “в лоб” спрашивают: “*Какой период Вы считаете более благополучным для нашей страны – годы правления Л. Брежнева или наше время?*”, – результат оказывается совсем не таким однозначным, как вроде бы можно было ожидать. В пользу брежневской эпохи высказываются 41% опрошенных, а в пользу нынешних времен – 31% (остальные – затрудняются). “Счет”, как видим, отнюдь не разгромный.

Позиции респондентов в этом вопросе, как нетрудно догадаться, очень сильно зависят от их возраста: среди молодежи только 16% опрошенных считают более благополучным брежневское время, а 46% – наши дни, среди представителей среднего поколения – 53 и 25% соответственно, среди относительно пожилых россиян – 59 и 19%. Было бы, однако, неверно представлять дело так, что пожилые испытывают привязанность к брежневской эпохе просто потому, что хорошо помнят ее и воспринимают как “свою”, а молодые, выросшие в постсоветские годы, предпочитают знакомое им историческое время “чужому”, незнакомому и непонятному. Это обстоятельство наверняка играет определенную роль, но, по-видимому, не менее важно и то, что молодежь имеет преимущественный, в сравнении со старшим поколением, доступ к различным социальным ресурсам, и именно как “ресурсная” группа сегодняшнего российского общества предпочитает его социуму, построенному на принципиально иных основаниях.

В подтверждение сказанного можно сослаться на более чем ощутимый разрыв в суждениях между обитателями мегаполисов (еще одной относительно “ресурсной” группы), с одной стороны, и сельскими жителями (группой,

В целом высказывания участников опроса определенно свидетельствуют о том, что эпоха Л. Брежнева вызывает у большинства россиян по преимуществу благостные реминисценции

обделенной социальными ресурсами) – с другой. Если в мегаполисах (без учета Москвы) только 30% опрошенных считают более благополучным брежневское время, а 50% – время нынешнее, то в селах, напротив, за прошлое “голосуют” 51%, а за настоящее – только 23%. И еще: если среди респондентов со средним образованием (как общим, так и специальным) распределение мнений близко к средним показателям по выборке в целом, то те, кто полного среднего образования не получил, гораздо решительнее высказываются за эпоху “развитого социализма” (59% – при 19% отдающих предпочтение нашим дням), а обладатели высшего образования чаще считают более благополучным именно нынешнее, а не брежневское время (41% и 31% соответственно).

Но, может быть, доля признавших нынешнее время более благополучным, чем брежневское, оказалась довольно высокой отчасти потому, что формулировка вопроса побуждает респондентов сравнивать эти эпохи с точки зрения общенациональных интересов? Ведь речь тут идет о том, какое время является более благополучным “для нашей страны”, – а мы видели, что по крайней мере некоторые участники групповых дискуссий склонны оценивать брежневскую эпоху в этой плоскости несколько более критически, чем в плоскости обсуждения ее с позиций интересов рядовых граждан (для людей – отдых, “раслабуха”, для страны – отставание, застой).

Предположение вроде бы логичное. Но, как выясняется, ошибочное. После того как участники опроса “инвентаризировали” свои представления о брежневском времени, назвав (или не назвав) те его отличительные черты, которые они хотели бы перенести в наше время, и те, которые предпочли бы оставить в прошлом, им был задан итоговый вопрос, апеллирующий – в данном контексте – уж точно не к представлениям респондентов об общенациональных или государственных интересах, а к их собственным, частным предпочтениям: “А если бы сейчас было возможно вернуть страну в тот исторический период, когда ее возглавлял Л. Брежнев, со всеми отличительными чертами и особенностями жизни того периода, Вы бы хотели или не хотели, чтобы это случилось?” И тут перевес оказался уже на стороне тех, кто возвращаться в прошлое не хотел бы: 36% опрошенных высказались за такое “путешествие во времени”, 42% – против.

Разумеется, среди молодежи доминируют противники возврата в эпоху “развитого социализма”, а среди тех, кто старше 54 лет, наоборот, преобладают, хотя и не столь ощутимо, сторонники такого возврата (*график 1*).

Но, пожалуй, самое интересное тут – распределение мнений среди представителей среднего поколения, знающего о брежневской эпохе не понаслышке¹⁰ и вместе с тем остающегося в активном, трудоспособном возрасте сейчас. Люди среднего возраста, как мы видели, в два с лишним раза чаще признают брежневское время более благополучным, чем нынешнее, нежели занимают противоположную позицию (53 и 25% соответственно). Когда же речь заходит о возвращении в “развитый социализм”, их “голоса” делятся почти поровну: 44% – за, 39% – против.

¹⁰ Даже самые младшие представители этой возрастной когорты достигли вполне “сознательного” возраста – заканчивали школу – если не при Брежневе, то в первые годы после его смерти, еще до того, как горбачевская перестройка вступила в решающую фазу и “дух времени” качественно изменился.

А если бы сейчас было возможно вернуть страну в тот исторический период, когда ее возглавлял Л. Брежнев, со всеми отличительными чертами и особенностями жизни того периода, Вы бы хотели или не хотели, чтобы это случилось?

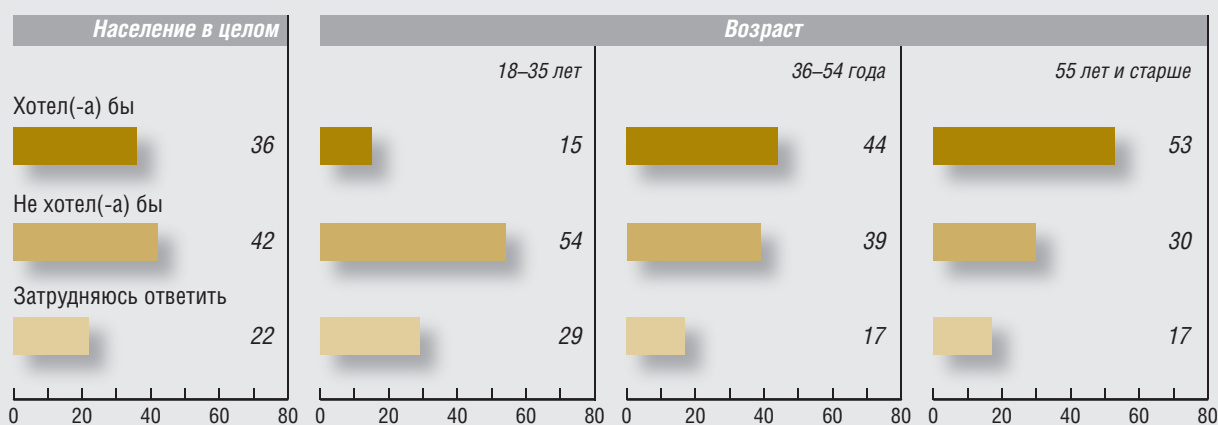

График 1. Желательность возврата страны в брежневскую эпоху (возрастные группы, % от групп)

А если бы сейчас было возможно вернуть страну в тот исторический период, когда ее возглавлял Л. Брежнев, со всеми отличительными чертами и особенностями жизни того периода, Вы бы хотели или не хотели, чтобы это случилось?

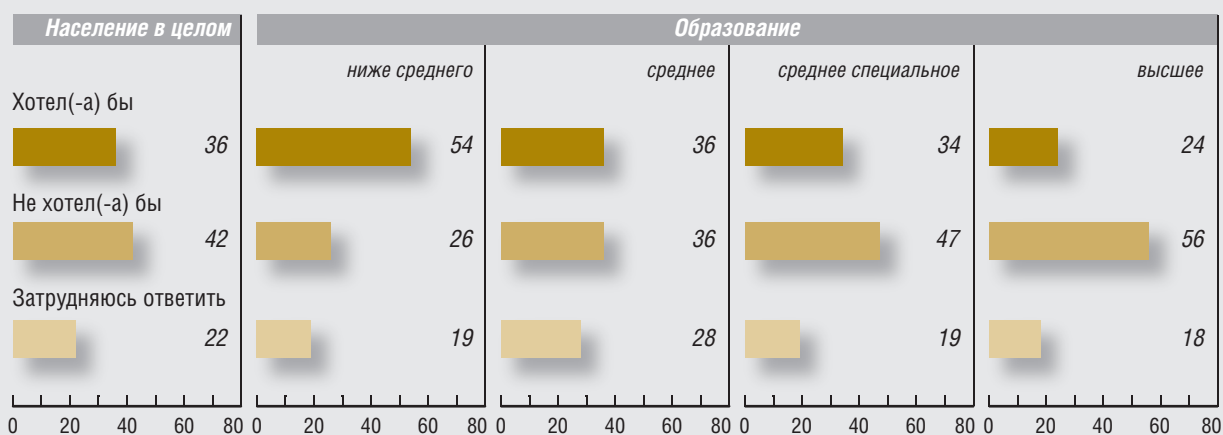

График 2. Желательность возврата страны в брежневскую эпоху (группы по образованию, % от групп)

Отметим, кстати: если считающие брежневское время неблагоприятным для нашей страны в подавляющем большинстве своем высказываются, естественно, против возврата в это время, то оценивающие его как благоприятное далеки от единодушия: 53% хотели бы этого, но 29% – не хотели бы.

Противники возврата в прошлое безоговорочно доминируют в Москве (17% – за, 63% – против) и других мегаполисах (25 и 57%), ощутимо преобладают они и в иных крупных городах (35 и 45%). В малых городах сторонников и противников возврата в прошлое – поровну (по 38%), и только в селах – больше тех, кто предпочел бы вернуться в эпоху Л. Брежнева (45 и 31%).

Столь же ощутимы контрасты и между группами, различающимися по образовательному уровню (график 2).

Как видим, “ресурсные” группы отчетливо предпочитают наше время, а группы, в наименьшей степени обладающие доступом к социальным ресурсам, склонны высказываться в пользу возврата в брежневскую эпоху.

Чем же объясняется такое распределение мнений наших сограждан относительно желательности реанимации “развитого социализма” – распределение, выглядящее странным на фоне всех прочих данных исследования (оценок брежневского времени и лично Леонида Ильича, ответов на различные открытые вопросы, материалов групповых дискуссий), вроде бы предуготовлявших нас к тому, что россияне решительно “проголосуют” за возврат в “доброе старое время”?

По-видимому, образ этой эпохи, сформировавшийся в глубинах массового сознания к сегодняшнему дню, далеко не однозначен. В нем сочетаются, переплетаются как позитивные, так и негативные характеристики, черты “доброе старое время” и “проклятого прошлого”. Но публично в большей мере акцентируются “светлые” стороны

брежневской эпохи, и это – наследие 90-х годов. В прошлом десятилетии, воспринимавшемся, повторим, как антитеза “развитого социализма”, критиковать последний – значило де факто позиционировать себя как приверженца Б. Ельцина, его политики, “духа времени” ельцинской эпохи. И чем менее популярным становилось ельцинское время, тем прочнее табуировалась критика времени брежневского. Сейчас эти “запреты”, очевидно, несколько ослабли, но полностью не исчезли. Речь, понятно, не о самоцензуре и тем более не о лицемерии – мы говорим о сформировавшемся публичном дискурсе, в той или иной мере определяющем окраску реминисценций и оценочных суждений, касающихся брежневской эпохи.

Кроме того, апелляции к этой эпохе – наиболее “удобный” для обыденного сознания способ формулировать запрос на социальную защищенность, на зрелую и ответственную социальную политику. Однако за этим далеко не всегда действительно стоит стремление к воспроизводству соответствующей макро-социальной модели.

И еще одно наблюдение: ностальгия как эмоциональный комплекс не наследуется следующим поколением. Молодежь принимает к сведению эгегические воспоминания старших и отнюдь не спешит опровергать их – с “насмешкой горькою обманутого сына”. Но стремление к идеализации брежневской эпохи молодым людям по преимуществу чуждо, и идея возвращения в нее – “со всеми отличительными чертами и особенностями жизни того периода” – их совершенно не прельщает. А значит – несколько сусальный образ брежневской эпохи, бытующий сегодня в массовом сознании, будет постепенно тускнеть. ■

“Ресурсные” группы отчетливо предпочитают наше время, а группы, в наименьшей степени обладающие доступом к социальным ресурсам, склонны высказываться в пользу возврата в брежневскую эпоху